ЦИФРОВАЯ ДИПЛОМАТИЯ СТРАТЕГИЧЕСКИЙ ИНСТРУМЕНТ ФОРМИРОВАНИЯ МЕЖГОСУДАРСТВЕННЫХ ОТНОШЕНИЙ

Сатторов Назарбек Одилжонович
Главный специалист отделения информационно-коммуникационных технологий Управления юстиции города Ташкента

Аннотация

В статье отмечается, что цифровая дипломатия является стратегическим инструментом при формировании межгосударственных отношений, развитие высоких технологий и глобальная перебалансировка сил в мире расширяет понятие «цифровой дипломатии», как наиболее восприимчивой и быстро меняющейся составляющей «мягкой силы».

Ключевые слова: цифровая дипломатия, антипропаганда террористических организаций, информационное противостояния, дипломатические, государственная пропаганда.

Сегодня внешнеполитическая стратегия «мягкой силы», разработанная в США политологом и профессором Дж.С. Наем, находится в поисках новых инструментов. Эта технология, вошедшая в научный и политический лексикон почти тридцать лет назад, базируется не только на ценностях страны, ее культуре и внешней политике, среди инструментов «мягкой силы» все чаще и активнее применяется цифровая дипломатия, (интернет-дипломатия, дипломатия социальных сетей или Web 2.0 дипломатия), то есть использование Интернета и информационно-коммуникационных сетей для решения дипломатических задач. Меняется и характер самого понятия «власть»: по утверждению Дж. Ная, власть движется не только с Запада на Восток, но и от государственных к негосударственным субъектам. Это могут быть муниципальные и региональные правительства, институты, гражданские организации, отдельные политики. Модель классической дипломатии «государство – государству» постепенно уходит в прошлое. Сегодня, благодаря цифровой дипломатии, новые акторы напрямую участвуют в решении глобальных проблем.

По мнению эксперта по внутренней и внешней политике США Н. Цветковой, с началом президентского срока Б. Обамы был совершен кардинальный поворот от классической концепции «мягкой силы» к новым формам этой стратегии. В США цифровую дипломатию начали использовать для аккумулирования либеральных сил в мире; в социальных сетях развернулась антипропаганда террористических организаций, заработал механизм государственной пропаганды – информационного противостояния с Россией. Нынешняя американская администрация продолжает искать новые инструменты «мягкой силы». После череды экономических санкций в отношении Российской Федерации и зеркальных действий дипломатических ведомств двух стран, с высылкой дипломатов и закрытием консульств эксперты заговорили о том, что новая администрация США больше не уделяет пристального внимания культурной составляющей «мягкой силы», ведь под сокращение попали подразделения, отвечающие за культурный обмен США и России. Эти опасения подтвердил и Дж. Най, отметив, что администрация Д. Трампа пренебрегает

культурными и образовательными проектами не только в отношении России. Звучат официальные заявления о том, что первоочередное внимание продвижению американских ценностей, таких, как демократия, права человека и свобода слова, больше уделяться не будет. В том, что вместе с развивающимися технологиями и все большим проникновением «онлайна» в жизнь необходимо вводить новые методологические подходы к анализу «мягкой силы», убеждены российские эксперты. С.А. Семедов утверждает, что цифровая дипломатия – явление многосоставное. Например, в США она включает в себя несколько элементов: расширение присутствия в социальных сетях и доступный Интернет, в который входит разработка технологии для обхода цензуры; распространение демократии через обучение представителей оппозиции авторитарных стран работать в социальных сетях, а также внедрение мобильной связи, с помощью которой можно обмениваться информацией в обход запретов властей. При этом автор убежден, что вместе с явными плюсами электронная дипломатия несет в себе и угрозы, из-за которых необходимо затрачивать средства на обеспечение и разработку систем информационной безопасности.

О растущих угрозах распространения информационно-коммуникационных технологий, но уже в контексте новой индустриальной революции (Industry 4.0), заявляет А.И. Смирнов. Так называемая «инфогенная» опасность сегодня связана с тем, что при помощи информационных и коммуникационных технологий государства добиваются и своих геополитических целей. И.В. Сурма утверждает, что из-за растущих масштабов использования цифровой коммуникации в политической жизни, а также возникающих из-за этого киберугроз, появляется необходимость в поиске новых научных подходов к социальным сетям. И.В. Сурма приводит в пример ряд сетевых технологий, которые изучают цифровую дипломатию и обеспечивают кибербезопасность. Среди них – британско-американская технология i2, которая сегодня применяется в разных странах и позволяет с помощью многомерной визуализации анализировать и выявлять скрытые закономерности. К наиболее успешным технологиям также относится проект «Социальные медиа в стратегической коммуникации» (SMISC), разработанный Управлением перспективных исследовательских проектов Министерства обороны США (DARPA). С помощью автоматизированных и полуавтоматизированных инструментов и технологий проект должен был научиться распознавать участников коммуникации, их намерения, а затем вычислять результат операции по убеждению. Сегодня, спустя три года после старта проекта, управление DARPA запускает программу вычислительного моделирования социального поведения в Сети (SocialSim), которая будет заниматься разработкой инновационных технологий для высокоточного компьютерного моделирования онлайн-поведения в Интернете.

Технологическое переоснащение и повсеместное применение интернет-технологий формирует определенные тенденции в использовании внешне-политических стратегий, о чем свидетельствуют и результаты исследований международной консалтинговой компании Portland. В своем анализе она использует метод индексации «мягкой силы» тридцати наиболее преуспевающих в этом направлении стран, в основе которого лежит компаративный подход. Под сравнение попадают шесть субиндексов: правительство, культура, глобальное взаимодействие, образование, предпринимательство и цифровая составляющая. Последний субиндекс отражает успешность применения цифровых технологий и как широко государство использует цифровую дипломатию через платформы социальных сетей. Несмотря на то что в 2017 г. США заняли только 3-е место в общем рейтинге «мягкой силы», проиграв Франции и Великобритании, обогнать ее в цифровом субиндексе никто не смог. Однако исследователи уверены, что, так как этот показатель является самым динамично развивающимся, в скором времени могут появиться и другие «цифровые лидеры» хотя бы потому, что, концентрируясь на внутренней политике, США постепенно пропускают вперед Восток. Поднебесная уже активно и успешно внедряет цифровые механизмы «мягкой силы» во внешнеполитическую концепцию «китайской мечты».

Цифровая дипломатия, являющаяся инструментом «мягкой силы», помогает распространить национальные интересы государства вовне. Вместе сростом охвата глобальной Сети она постоянно расширяет границы. Эту тенденцию подтверждают цифры: в мире за одну минуту «лайкают» почти 3 млн фотографий в Инстаграмме, в YouTube выкладывают 400 часов нового видео, за одну минуту в США используется почти 19 млн мегабайт беспроводных данных. По прогнозам, к 2024 г. Интернетом будет обеспечено 60% всего населения планеты, то есть 4,1 млрд человек, в том числе из развивающихся стран, будут иметь доступ в глобальную сеть. Эти цифры подтверждают данные Международного союза электросвязи, ведущего учреждения ООН в области информационно-коммуникационных технологий. При этом разработчики поисковых систем ожидают, что в Интернет придут люди, не умеющие читать и писать, в связи с чем придется менять алгоритм обработки запроса таких пользователей.

Актуальность новых методов исследования цифровой дипломатии связана еще и с массовым переносом информации на электронные носители, при этом взаимодействие с государством также повсеместно переходит на цифровую платформу, а аккаунты политиков становятся важной и при этом доступной частью имиджа государства. Сегодня «дипломатия социальных сетей» переняла и некоторые проявления массовой интернет-культуры. Так, совершенствуются формы подачи информации (от текста к фото и видео); возрастает популярность вирусных роликов (короткие, емкие клипы, часто с применением профессионального монтажа); благодаря возможности вести прямую трансляцию с собственного смартфона увеличивается скорость появления информации. Укореняется круглосуточная включенность. В отличие от традиционной, цифровая дипломатия позволяет любому человеку, независимо от того, где он находится, иметь свой голос и влияние по отношению к той или иной ситуации, или к конкретному политику. Появляются новые виды дипломатического языка: хэштеги, смайлики, стикеры, видео, фотоснимки. Таким образом, трансформируется дипломатический кодекс поведения, основанный на классических концепциях. Меняется интернет-лексикон, вобравший в себя элементы культуры социальных сетей. Так называемый интернет-троллинг, форма социальной провокации, или сетевое хулиганство, которое часто используют блоггеры, превратилась в одно из проявлений и современного политического диалога. Когда премьер-министр Великобритании Т. Мэй обвинила Европейский союз во вмешательстве в их выборный процесс, посольство России в Лондоне заявило в социальной сети: «Слава богу, на этот раз – не Россия». На волне истерии вокруг обвинений России в хаккерских атаках с целью повлиять на выборы США, этот комментарий, по мнению пользователей социальных сетей, выглядел как «эпический троллинг». После набора лайков и перепостов даже ярые противники России признали шутку удачной. Хэштеги RussiansdoIt, русские сделали это поддержали даже американские пользователи непосредственно в разгар «хаккерского» скандала, иронизируя над тем, что во всем всегда виноваты русские. Однако российские эксперты утверждают, что при широком использовании новых методов коммуникации может произойти падение политической культуры. В особенности это касается дипломатических ведомств, где уровень общения должен оставаться высоким.

Определенную цель преследуют и политики, пользуясь активностью в сетях. Политические организации и лидеры собирают лайки и смайлики не просто так, ведь такая симпатия может быть конвертирована в реальные голоса. Не случайно в качестве примера «сетевой любви» аналитики приводят привлекательное позиционирование новых политических лидеров: премьер- министра Канады Дж. Трюдо и президента Аргентины М. Макри. Своей по- беде на выборах и дальнейшей популярности оба лидера обязаны активности в социальных сетях, а Дж. Трюдо назвали представителем нового поколения политиков – энергичных, настоящих, доступных (он «всегда онлайн»). Такое впечатление складывается после просмотра личных интернет-страниц обаятельного премьер-министра, где каждый подписчик может оставить комментарий. Однако в публикациях безобидные и даже умилительные пос- ты чередуются с важными политическими решениями. С одной

стороны, Дж. Трюдо фотографируется с выпускниками, которые случайно оказались на набережной, где он совершал пробежку; делает селфи в вышиванке в день национального костюма Украины; записывает обращения на арабском языке для сирийских беженцев, которых он гостеприимно принял у себя в стране (на одной из фотографий политик даже прослезился от рассказа мигранта). С другой – Трюдо не упускает возможности поддержать ЛГБТ-сообщество и продемонстрировать забавные носки с изображением флага НАТО во время крупных саммитов. Так политик демонстрирует свою поддержку продвиже- нию североатлантического альянса в Восточную Европу и страны Балтии. Пользуясь привлекательным имиджем и всеобщей любовью, которая благо- даря цифровой составляющей распространяется далеко за пределы Канады, в реальной жизни Дж. Трюдо выступает за ряд смелых, неоднозначных и жестких инициатив: на местном уровне – легализацию эвтаназии, абортов, марихуаны, защиту прав трансгендеров, во внешней политике – военную поддержку Украины, отказ участвовать в сирийской спецоперации и закупку американского истребителя пятого поколения F-35, а также объявляет ведение двухсторонних отношений с России по вопросам Арктики в конструктив- ном ключе.

О значимости социальных сетей свидетельствуют и недавние выборы в США. Журналисты подсчитали, что за время избирательной кампании Дональд Трамп сделал в два раза больше твиттов, чем Х. Клинтон, которая убеждена, что лживая информация о ней, распространенная через Фейсбук, стала одной из главных причин поражения. Из этого следует, что персонифицированная цифровая дипломатия уже является одним из самых эффективных инструментов «мягкой силы». При этом ставка делается на доступность и считываемость образа разной аудиторией. Учитывая то, что цифровая дипломатия вынуждена идти в ногу со временем, но при этом не ограничивается только лишь присутствием и активностью в социальных сетях, можно предполагать, что сфера понятия «цифровой» расширяется. Сегодня государства постоянно увеличивают траты на обеспечение кибербезопасности, ведущие мозговые центры мира соревнуются в разработке и внедрении искусственного интеллекта в жизнь, Apple, Google, Amazon, Microsoft инвестировали огромные суммы, чтобы усовершенствовать технологии машинного обучения. Канадско-американский предприниматель, владелец и главный инженер компании SpaceX И. Маск демонстрирует ракеты и скафандры, разработанные его компанией, в которых земляне отправятся на Марс, а к 2030 г. граждане США смогут начать его колонизацию. К слову, отчеты о своих успехах компания также демонстрирует в социальных сетях. Становится очевидно, что в технологической гонке странна имидж государств влияет их инновационная развитость, при этом правильное позиционирование успехов страны частично лежит и в цифровой плоскости.

В России о необходимости внедрения цифровой дипломатии заговорили в 2012 г. Применить этот инструмент «мягкой силы» МИДу РФ поручил Президент России В.В. Путин. Тогда же французское агентство AFP опубликовало первый в истории рейтинг цифровой дипломатии. Первое место заняли США, Россия значилась лишь на 14-й позиции. Однако последние исследования констатируют, что за это время Россия научилась успешно применять этот инструмент: в недавнем рейтинге цифровой дипломатии (Digital Diplomacy-2016) она заняла уже четвертое место, пропустив вперед Великобританию, Францию, и США. В определении победителя использовался уровневый поход, при котором цифровая дипломатия рассматривалась с точки зрения пяти параметров прогресса от «новичка» до «продвинутого пользователя»: присутствия, настройки, актуальности, участия, дипломатии 4.0. Все перечисленные параметры рассматривались с позиции их креативности, аутентичности, прозрачности, управления контентом, безопасности, открытости, влиянии, типа аудитории, профессионализма, прорывных / инновационных кампаний. У истоков разработки цифрового метода «мягкой силы» стояла Э.-М. Слотер, бывший директор политического планирования в Государственном департаменте США (2009–2001 гг.), в трудах которой изложены философские основы цифровой дипломатии. Впервые она была применена во внешнеполитическом курсе США, придя на смену или в дополнение

телевизионному и радиовещанию и концепции «Великой шахматной доски» З. Бжезинского. В 2002 г. администрация Дж. Буша младшего первой была перенесена в Интернет. В 2010–2011 гг. в Белом доме официально обозначили и опубликовали главные задачи цифровой дипломатии.

Сегодня Э.-М. Слотер занимает пост президента мозгового центра «Новая Америка», где ведется разработка концепций по возрождению величия США в эпоху цифровых технологий. Она утверждает, что сейчас даже в Америке, которая является пионером цифровой дипломатии, не все политики понимают, что коммуникация становится многослойной и многоуровневой. По ее мнению, страны, обладающие наиболее крепкими, разветвленными каналами связи, способны реализовывать в мире необходимые им сценарии эффективнее, чем те, кто обладает мощной армией. По прогнозам Э.М. Слотер, в следующем десятилетии влияние государств на глобальные цифровые потоки возрастет: будут разрабатываться сложные инструменты для введения цифровых санкций, блокировки торговли, информации и связи. В долгосрочных стратегиях развития стран совершенствование цифровых и высокотехнолочных платформ и построение «цифрового общества» значится одним из первых пунктов. Так, Китай в программе «Сделано в Китае 2025», направленной на удержание статуса «мировой фабрики», только с привлечением новых технологий, обозначил целый спектр развития технологических разработок, которые планируется повсеместно внедрять в экономику. При этом «электронная экономика» (то есть экономическое производство с использованием цифровых технологий), затрагивает разные сферы жизнедеятельности: образование, медицину, банкинг.

Американские гиганты Кремниевой долины сегодня бросают вызов некогда всемогущему Уолл-Стрит и всему банковскому сектору, намекая, что управлять финансовыми потоками могут и без их помощи. Криптовалюты, пересмотр системы хранения и передачи денег – все это часть цифрового общества, построение которого так же возложено на разработки Кремниевой долины. Если цифровые умы научились переводить «лайки, клики и отметки» в высокие политические идеалы, способствуя экспорту свободы, демократии, и прав человека в далекие уголки – на Ближний Восток и Северную Африку, то, учитывая новые технологические разработки, понятие «цифровая мягкая сила» может значительно расшириться.

Литература.

1. Най Д.С. Гибкая власть / пер. с англ. В. Супрун. М.; Новосибирск, 2006.
2. Карадже Т.В. Проблема определения «политического» в политической науке // Вопросы политологии. 2013. № 2 (10).
3. Цветкова Н. Наследие президента Обамы в области публичной дипломатии США. URL: http://gorchakovfund.ru/news/20161/
4. Семедов С.А. Цифровая дипломатия в эпоху глобализации / под ред. В.В. Комлева // Рос- сия в современной международной системе координат: новые вызовы и возможности: сбор- ник статей. М., 2014. С. 355–357.
5. Смирнов А.И. «Industry 4.0» в дискурсе международной информационной безопаснос- ти – взгляд из России. URL: https://mgimo.ru/upload/iblock/6f6/smirnov.pdf
6. Сурма И.В. Цифровая дипломатия в мировой политике // Государственное управление: Электронный вестник. 2015. Вып. 49, апр. URL: http://e-journal.spa.msu.ru/vestnik/item_741
7. Cooney M. DARPA wants to simulate how social media spreads info like wildfire // Network World. URL: https://www.networkworld.com/article/3158707/security/darpa-wants-to-simulate- how-social-media-spreads-info-like-wildfire.html
8. Alchami D., Aspeling W., Brennan Z., etc. A Global Ranking of Soft Power 2017 – The Soft Power 30. URL: https://softpower30.com/wp-content/uploads/2017/07/The-Soft-Power-30-Report- 2017-Web-1.pdf
9. International Telecommunication Union. URL: http://www.itu.int/pub/S-POL-BROAD- BAND.16-2016

10. Digital Diplomacy Review 2016. URL: http://digital.diplomacy.live/ranking-and-rating/

11. Buckley N. From Russia with likes: embassy tweets prove a hit for Moscow // Financial Times. 2017. June. URL: https://www.ft.com/content/6e9ebc52-4c68-11e7-919a-1e14ce4af89b

12. Justin Trudeau. URL: https://www.facebook.com/JustinPJTrudeau/

13. Ingram D. Clinton says false stories on Facebook helped Trump win election // Reuters. 2017. May. URL: http://www.reuters.com/article/usa-clinton-facebook/clinton-says-false-stories-on-face- book-helped-trump-win-election-idUSL1N1IX17Z

14. Making Humans a Multiplanetary Species. URL: https://www.youtube.com/watch?v=A1Yx NYiyALg&feature=youtu.be

15. Official Twitter for SpaceX, the future of space travel. URL: https://twitter.com/spacex

16. Совещание послов и постоянных представителей России: стенограмма. Официальный сайт президента России. URL: http://kremlin.ru/events/president/news/15902

17. Slaughter A.-M. Connections, not armies, make countries powerful // Financial Times. 2016. April. URL: https://www.ft.com/content/21973144-0544-11e6-9b51-0fb5e65703ce

18. Morozov E. Silicon Valley has been humbled. But its schemes are as dangerous as ever // The Guardian, Technology The Observer. 2017. Sept. URL: https://www.theguardian.com/technol- ogy/2017/sep/02/silicon-valley-humbled-schemes-dangerous